

№ 6 (200)
ИЮНЬ

2013

Не в силе Бог, а в правде.

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКИЙ ВЪСТНИКЪ

Газета Александрo-Невского собора города Барнаула. Печатается по благословению Преосвященнейшего Сергия, епископа Барнаульского и Алтайского

фоторепортаж на стр. 16

*Крестный ход
к алтайской святыне*

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

«СЛОВОМ И ЖИЗНЬЮ СВОЕЮ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ...»

Сегодня мы прославляем память святых первоверховных Петра и Павла. Апостол есть свидетель и посланник. О чем же были призваны свидетельствовать апостолы? Сегодняшнее Евангелие (Мф. 16:13-19) помогает нам понять самую сердцевину апостольского свидетельства, самое главное, что они сказали миру. На вопрос Господа и Спасителя «за кого Меня почитают люди?» ученики Его сказали: одни — за Иоанна Крестителя, другие — за Илию, явившегося на землю, кто-то — за Иеремию или кого-то из пророков. И когда Спаситель, обращаясь к ним, сказал: «ну а вы за кого Меня почитаете?», то это был самый главный вопрос, обращенный к апостолам. Они уже были некоторое время вместе со Спасителем, они слышали Его слова, они видели Его чудеса, они были свидетелями Его огромной духовной силы. И вопрос заключался в том, приняли ли они Спасителя, поняли ли они Его миссию, или, как тысячи тех, кто видел чудеса и слышал Его проповедь, так и не осознали, Кто является чудотворцем, целителем и проповедником. И в ответ на этот вопрос Петр говорит: «Ты — Христос, Сын Бога живого». Господь говорит ему: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах».

Действительно, никаким напряжением ума, никаким образованием (а его у Петра особенно и не было), никаким положением в обществе, никакой человеческой силой и могуществом («плотью и кровью») не мог Петр прозреть то, о чем он открыто свидетельствовал перед Самим Спасителем и собратьями-учениками: «Ты — Христос, Сын Бога живого». Это ведение, это знание было за пределами его знаний человеческих, за пределами его опыта, за пределами его разумения, и только внушение свыше дало Симону Петру силу сказать то, что он сказал.

И затем Господь посылает апостолов в мир. Они Его посланники, они свидетели. О чем же они должны были свидетельствовать? Конечно, они многое рассказывали тем людям, которые их слышали, и в результате этих рассказов мы имеем четыре Евангелия. Но в сердцевине их проповеди слова, произнесенные Петром, — «Ты еси Христос, Сын Божий». А что такое свидетельство? Человек может прожить всю жизнь и никогда, ни при каких

обстоятельствах не быть свидетелем. У каждого есть свои знания, свое образование, своя жизненная мудрость, свой опыт — положительный или отрицательный. Но человека можно назвать свидетелем только тогда, когда он разделяет с другими свои знания, свой опыт, когда он другим говорит о том, чему был очевидцем. Свидетельство — это передача того, чем обладает человек, другим людям.

Не каждое свидетельство окружающий нас мир воспринимает с удовольствием, с готовностью слушать и слышать его. Нередко свидетельство вызывает протест, даже если оно в точности отображает действительность или адекватно представляет мысли и знания человека. Нередко свидетельства встречаются борьбой, конфронтацией и даже гонениями на того, кто свидетельствует. И вот в сегодняшнем апостольском чтении (2 Кор. 11:21 - 12:9) нам повествуется об опыте свидетельства апостола Павла. Он говорит: «пять раз я был подвержен бичеванию и получил по 40 ударов без одного». 195 раз страшный бич опускался на спину апостола. Трижды он был побиваем палками. Трудно себе представить, чем было в то время избивание палками и

как после этого избивания апостол оставался живым. Единожды он был побиваем камнями, а побивание камнями было распространенным и узаконенным средством умерщвления людей в израильском обществе. Но он не погиб, он чудом остался жив.

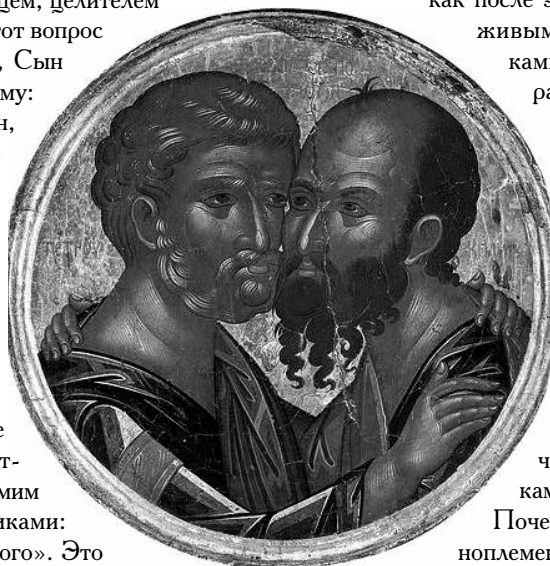
И далее апостол говорит, что ему пришлось претерпеть: он был в опасности на море, трижды терпел кораблекрушение, был в опасности от разбойников, от единоплеменников, от язычников и даже от жebraтьев. За что же он получал эти удары бичом, палками и камнями? Почему он трижды тонул?

Почему на него обрушивался гнев единоплеменников, язычников и жebraтьев?

Потому что он не мог не свидетельствовать о Христе — Сыне Божием и Сыне Человеческом. Он отправлялся в свои тяжелейшие путешествия, он вступал в реальную смертельную конфронтацию с теми, кто не желал слышать его слова.

И мы знаем, что жизнь святых первоверховных апостолов Петра и Павла завершилась мученически. Петр был распят вниз головой в Риме во время гонения при императоре Нероне, а апостол Павел в то же самое время претерпел в Риме казнь, будучи усеченным мечом.

Это означает, что свидетельство, которое несли людям апостолы и которое продолжает нести Церковь, — не

безобидное свидетельство. Мы знаем, что именно это свидетельство произвело такую перемену в жизни людей и во всей человеческой истории, что в научные и даже бытовые представления вошло понятие о христианской эре. И летоисчисление наше — от Рождения Господа Иисуса Христа как действительно судьбоносного, переломного момента в жизни всей человеческой цивилизации; и оно стало таковым из-за свидетельства, которое святые апостолы, а вслед за ними епископы, служители Церкви, проповедники, учителя, простые люди несли по всему миру, встречая в большинстве случаев проявление человеческой злобы, непонимания, вражды, ненависти и жестокости.

И результат удивительный. В далеком XXI веке мы, живущие в городе Москве, отделенные большим географическим пространством и еще более потрясающим пространством временным от тех самых событий, собрались сегодня для того, чтобы прославить святых первоверховных апостолов Петра и Павла, поклониться их свидетельству, почерпнуть мудрость в их словах, обрести вдохновение для нашего служения, нашего свидетельства, которое ни

при каких обстоятельствах не будет простым, ибо оно никогда не бывало простым. Но для того чтобы сказать: «Иисус Христос есть Сын Божий, Спаситель мира», нужно иметь в первую очередь те убеждения, источником которых является Сам Господь.

И потому, осуществляя свидетельство миру, мы совершаем не наше человеческое дело, мы руководствуемся не политическими, экономическими или какими-то иными соображениями — мы со смирением делаем то, что делали апостолы и их преемники, движимые силой благодати Божией, получившие ведение не от людей, а от Самого Иисуса Христа через Его слово. Мы все как Церковь — и архиереи, и духовенство, и верующий народ — призваны словом и жизнью своею свидетельствовать о том, что Иисус Христос есть Сын Божий и Спаситель мира. Аминь.

Из слова в праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла в московском храме святых апостолов Петра и Павла в Лефортове 12 июля 2012г. Патриархия.ру

ЦЕРКОВНАЯ АЗБУКА

При богослужении, которое совершается епископом, употребляются предметы, составляющие принадлежность только архиерейской службы: особые подсвечники-дикирий и трикирий, рипиды, орлецы, жезл (посох).

Рипиды (греч. — опахало, веер) употреблялись при совершении таинства Евхаристии с самых древних времен. В литургических указаниях Постановлений апостольских говорится, что два диакона должны держать с обеих сторон престола рипиды из тонких кожиц, или из павлиньих перьев, или из тонкого полотна и тихо отгонять летающих насекомых. Рипиды, следовательно, стали употребляться преимущественно из практических соображений.

Ко времени Софрония, патриарха Иерусалимского (1641 г.), в церковном сознании рипиды уже являлись образами херувимов и серафимов, незримо участвующих в таинствах Церкви. Вероятно, с этого же времени на рипидах стали появляться изображения ангельских существ, чаще других-серафимов. Константинопольский патриарх Фотий (IX в.) говорит о рипидах из перьев во образ шестокрылатых серафимов, которые, по его мнению, призваны «не допускать непросвещенных останавливаться умом на видимом, но отвлекать их внимание, чтобы они обратили очи ума своего на высшее и восходили от видимого к невидимому и к неизреченной красоте». По форме рипиды бывают круглыми, квадратными, звездообразными. В Русской Православной Церкви со времени принятия христианства рипиды делались металлическими, с изображением серафимов.

Окончательный вид, который приобрели рипиды — это лучистый круг из золота, серебра, золоченой бронзы с изображением шестикрылого серафима. Круг укреплен на длинном древке. Такой вид в полной мере раскрывает и символическое значение этого предмета. Рипиды

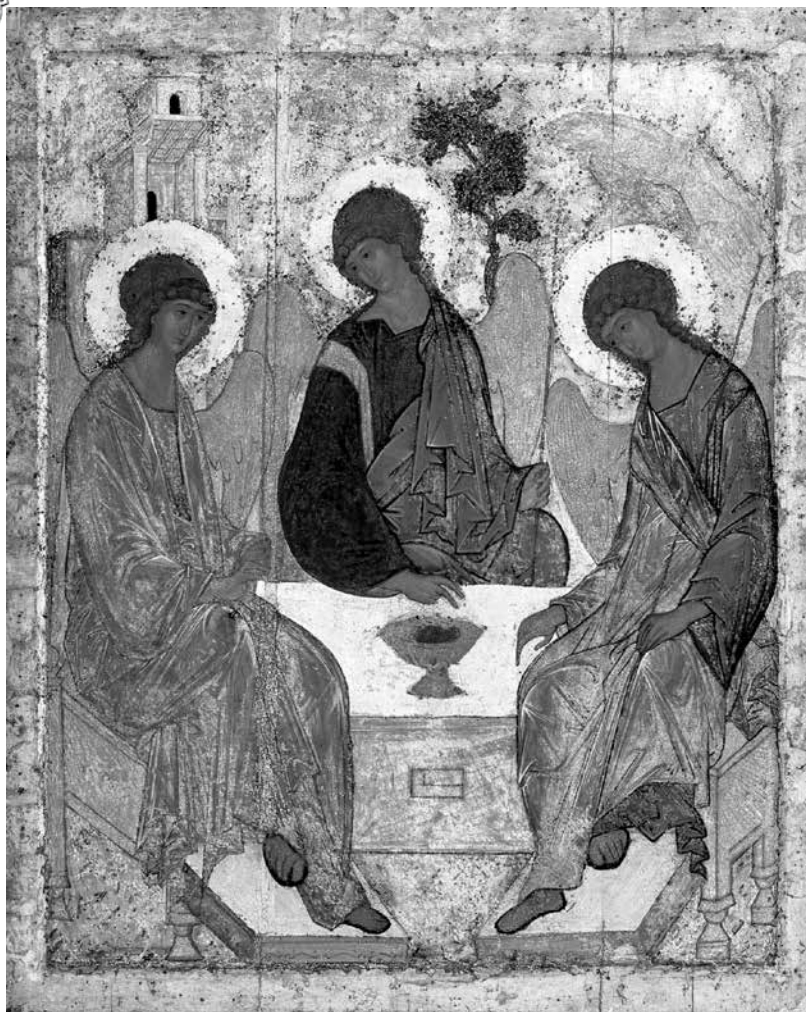
знаменуют собой проникновение ангельских сил в тайну спасения, в таинство Евхаристии, участие небесных чинов в богослужении. Подобно тому, как диаконы отгоняют насекомых от Святых Даров и создают над Дарами веяние как бы неких крыл, так Силы Небесные отгоняют духов тьмы от места совершения величайшего из таинств, окружают и осеняют его своим присутствием. Уместно вспомнить, что и в Ветхозаветной Церкви по повелению Божию в скинии свидения над ковчегом Завета были устроены образы двух херувимов из золота, а в других местах множество образов этих же ангельских чинов.

Поскольку диакон изображает собою ангела, служащего Богу, при посвящении в диакона новопоставленному дается в руки рипида, которой он по обретении чина начинает неспешно осенять крестообразными движениями Святые Дары по возгласе: «Поюще, вопиюще...»

Рипидами осеняют дискос и потир на великом входе за литургией, их выносят в уставных местах архиерейской службы, в Крестных ходах, с участием епископа, и в других важных случаях. Рипидами осеняется гроб почившего архиерея. Лучистый золоченый круг рипиды с образом серафима являет собою свет высших неведущих сил, служащих в непосредственной близости к Богу. Так как архиерей за богослужением изображает собою Господа Иисуса Христа, рипиды стали принадлежностью только архиерейского служения. В виде исключения право служить с рипидами даровалось архимандритам некоторых крупных монастырей.

РИПИДЫ

Инок Григорий (Круг) (1907-1969 гг.)

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Икона Троицы является исповеданием триипостасного единства Бога, не менее полноценным, чем то, которое выражено словом и является источником догматического исповедания Святой Троицы. Думается, что икона Троицы в образе трех Ангелов и является наиболее совершенным выражением Святой Троицы в тех пределах, какие могут быть доступны.

Образ этот написан так, чтобы возвести сознание к созерцанию света Троицы, и самое развитие иконы ведет нас от вполне осязаемого ветхозаветного события к совершенно очищенной, лишенной земных подробностей горней чистоте, возводит ум к Царству Отца и Сына и Святого Духа. И ангельский характер трех Лиц Троицы является для нас этой ведущей силой, помогает нам взойти на эту высоту, проникнуть к высоте небесной. И действительно, изображение Святой Троицы в образе трех мужей, которое существовало в древности, например, в мозаиках храма в Равенне, в дальнейшем уже не повторяется. Всем трем посланцам придают ангельские крылья, чтобы подчеркнуть неземную их природу и возвести сознание от ветхозаветного события к образу Троицы, освобожденной от всего временного и повествовательного. От явления трех мужей Аврааму сознание возводит к созерцанию Ангелов Великого Совета.

Троица Святая неизобразима в своем существе, и если Церковь и имеет и чтит изображение Святой Троицы, то изображение это никак нельзя почитать как изображение существа Божия, но следует думать нам, отнестись к этой иконе как к изображению глубочайшим образом символическому, и только так этот образ может быть совершенным. Только этот символический язык Церкви и может быть мыслим там, где человеческое знание касается непостижимого.

Символ, по своему основному значению, есть связь. Как же понять этот символизм в жизни Церкви, в особенности в отношении священных изображений — икон, чтимых Церковью? Самое строение мира в своем создании в предвечном Божием совете, несет в себе символическую природу, вернее, символическое устройство. Мир создан так, чтобы таинственным образом свидетельствовать о Создавшем его. Все в сотворенном мире носит в себе как бы божественную печать, некий отпечаток Божества. И это как бы иносказание о Боге, заключенное во всем, что создано, делает все сотворенное, все мироздание не затворенным в самом себе, не обособленным в своем бытии, но как бы предвечным божественным замыслом, обращенным лицом своим к Создавшему все премудростью, о чем говорит предначинательный псалом: «Вся премудростию сотворил еси» и «слава силе Твоей Господи».

Святой Василий Великий в Шестодневe говорит: «Мир есть художественное произведение, подлежащее созерцанию всякого, так что через него познается премудрость его Творца...»

Премудрость сотворения мира заключается в том, что все созданное обращено к Создателю, все является таинственным свидетельством, иносказанием, притчей о Святой Живоначальной Троице, создавшей мир. Все созданное наделено особым данным ему Богосмыслом, говорящем о Боге, и эта символическая природа творения охватывает весь мир и все создания. И эта божественная печать, почившая на всяком творении, с особенной полнотой, с особой славой отпечатлелась на ипостасных творениях, на Ангелах, как на первенцах Божим, и на последнем, завершающем мироздание творении, на человеке. В книге Бытия указывается, что человек в самом создании своем наделен образом и подобием Божиим.

Дух Святой сошествием Своим исполняет Церковь славою Пресвятой Троицы, и слава эта становится для Церкви ее дыханием, ее светом, ее славою.

Церковь имеет много изображений Святой Троицы очень различных по своей иконографии. Но та икона, которой определяется самый праздник Святой Троицы, неизменно одна — это изображение Святой Троицы в образе трех Ангелов. Прообразом ее было явление Святой Троицы в образе трех путников Аврааму и Сарре у дубравы Мамре.

Образ этот возник в глубокой древности. Так, о нем свидетельствует св. Иоанн Дамаскин как об изображении, задолго до него существовавшем.

Церковь избрала именно эту икону, а не какую-либо иную, не случайно, но потому, что она с наиболее возможной полнотой выражает догматическое исповедание Святой Троицы и, можно сказать, рождена этим исповеданием.

Самая иконография носит двойственный характер. Иногда три Ангела изображаются в совершенно равном достоинстве, а иногда средний ангел больше и величественнее двух других. Явлению трех Ангелов Аврааму придавалось разное толкование. Одни предполагали, что тремя Ангелами было второе Лицо Святой Троицы в сопровождении двух Ангелов, как бы образно знаменующих первую и третью Ипостась. Другие видели в явлении трех Ангелов явление Самой Пресвятой Живоначальной Троицы, полное и совершенное. И это второе понимание все больше и больше с веками укреплялось в Церкви и утверждалось в изображении праздника. Но было и есть стремление примирить эти, как бы непримиримые, основы в изображении Троицы. Наиболее полно и глубоко такое понимание выразилось в иконе, написанной преподобным Андреем Рублевым для Троицкого собора Троице-Сергиевского монастыря. Потому Стоглавый собор утвердил эту икону как образец того, как должно писать икону Святой Троицы.

Ипостаси Святой Троицы на этой иконе следуют в том порядке, в каком они исповедуются в Символе Веры. Первый Ангел является первой ипостасью — Бога Отца, второй, средний, — Сына, и правый — ипостасью Духа Святого. Все три Ангела благословляют чашу, в которой принесен закланый и приготовленный в снедь телец. Закланье тельца знаменует собою крестную смерть Спасителя и часто изображается на иконе Троицы в нижней ее части, а принесение тельца в снедь является прообразом Таинства Евхаристии. Все три Ангела имеют в руках жезлы в означение их божественной власти.

Первый Ангел, изображенный в левой части иконы, облачен в синее нижнее одеяние, образ божественной, небесной его природы, и светлолиловое верхнее одеяние, — свидетельствующее о божественной непостижимости и царственном достоинстве этого Ангела. Сзади него, над главою, возвышается дом, жилище Авраама, и жертвенник перед жилищем. В толковании этой иконы изображению жилища придавалось символическое значение. Дом является как бы образом домостроительства Божественной благодати, и то, что изображение здания помещено над главою первого Ангела, указывает на него как на начальника (в смысле его отеческой природы) этого домостроительства. Та же отеческая начальственность сказывается и во всем его облике. Глава Его почти не наклонена, стан также не склонен, взгляд обращен к двум другим Ангелам. Все,

и черты, и выражение лика, и уложение рук, и то, как Он восседает, все говорит о Его отеческом достоинстве. Два других Ангела склонены главами и обращены взором к первому в глубоком внимании, как бы ведя беседу.

Второй Ангел помещен в средней части иконы. Его срединное положение определяется значением второй ипостаси в недрах Святой Троицы и в деле домостроительства, в промыслительной заботе Бога о мире. Над главою Его простирает свои ветви дуб. Облачение второго Ангела соответствует тому, в каком обычно изображается Спаситель. Нижнее имеет темно-багровый цвет, знаменующий собой воплощение, синий хитон, свободными складками облегающий стан Ангела знаменует своим цветом Его Божественное достоинство, небесность Его природы. Ангел склонен и обращен главою и движением стана к первому Ангелу в сокровенной беседе. Осеняющее Его дерево является напоминанием о древе жизни, бывшем посреди рая, и о древе крестном.

Ангел, помещенный с правой стороны иконы, является третьим Лицом Святой Троицы — ипостасью Святого Духа. Его нижнее облачение темного, прозрачно-синего цвета. Верхнее — легчайшего дымчато-зеленого - прозелень выражает наименование Святого Духа животворящим, является образом неиссякаемого, извечного животворения всего сущего: «Святым Духом всякая душа живится и чистотою возвышается, светлеется Троическим единством священнотайне». Это возвышение чистотою и выражает осеняющая третьего Ангела гора.

Расположение трех Лиц на иконе теснейшим образом связано и соответствует порядку, которым проникнут всякий богослужебный возглас, всякое обращение и исповедание Святой Троицы. Это та же последовательность, которая определяет расположение членов Символа Веры, тот порядок, который заключен в словах молитвы Господней: «Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя». Самое расположение и основное очертание изображений глубочайшим и сокровенным образом сопряжено с порядком храмовой молитвы и с внутренним молитвенным движением. Самые очертания трех сидящих Ангелов, несущих жезлы и благословляющих трапезу, теснейшим образом сопряжены со всеми троекратными образами и со всеми богослужебными обращениями к поклоняемому в Троице Единому Богу.

В празднике Пятидесятницы — сошествии Святого Духа — открывается полнота Боговоплощения. Праздник этот есть откровение трех Лиц Пресвятой Троицы, и в этом смысле икона Троицы является основанием для изображения всех трех Лиц. В иконе Пресвятой Троицы меркнет представление о первом Лице как совершенно неизобразимом. В свете Боговоплощения, и только в нем, становится возможным изображение Бога Отца. «Видяй Меня, видяй и Отца» — вот тот свет, который изливается на образ Отца и делает Его как бы лишь отчасти видимым. Не в полной и окончательной ясности видим мы изображение первой ипостаси в стенной росписи храмов и на изображениях на крестах и на иконах, и не в самодовлеющей силе, но во взаимоотношении с другими Лицами Пресвятой Троицы или как бы выражением Своего благодатного присутствия в Церкви и спасительного действия в мире.

Все три Лица имеют полноту человеческого досто-

инства, и в изображении ликов, и в одеяниях, которые носят присущий людям характер. Это не служебное одеяние Ангелов, они не облачены в стихари, руки их не охвачены в запястьях, стан их не препоясан поясом, но одеты они так, как приличествует людям — нижнее длинное одеяние, тунику, и верхнее одеяние, лежащее свободными складками, — хитон. Но крылья сплошь испещрены золотыми лучами, и весь облик странников и убранство их волос — все носит печать ангельской славы, все свидетельствует о неземной природе трех посланцев, и все они наделены равными достоинствами, чего нет ни в одном изображении Троицы. И эта полнота и определяет избрание этой иконы, потому что полноценной иконой может быть только личное ипостасное изображение. Святой иконой может быть по праву лишь такой образ, который имеет лицо-лик, и лик человеческий, преображенный божественным изменением. Это та данность, которая легла в основу всякой иконы, это то, что дано нам Самим Спасителем в впечатлении Своего Лица на убресе, как иконе икон, как источнике всякого изображения.

И даже лики Ангелов мы не можем мыслить или изображать иначе как в человеческом образе. Изображения, например, престолов в виде огненных колес не могут быть самодовлеющей иконой. И символы евангелистов также не являются самостоятельной иконой: орел, держащий евангелие, не может явиться иконой евангелиста Иоанна, но лишь его символом. Таким же символом, но не полноценной иконой, является изображение Духа Святого в виде голубя. И быть может самой неповторимой, самой драгоценной особенностью иконы Троицы в образе трех Ангелов является то, что третье Лицо Святой Троицы — Дух Святой — изображается ипостасно равно с первым и вторым Лицом Святой Троицы и имеет в Своем изображении полноту ангельского и человеческого образа. Эта полнота в изображении всех трех Лиц и определяет ту особенность, которой отмечен образ Троицы в явлении трех Ангелов. Во всех иных изображениях Бог Дух Святой не выражен лично и не имеет полноты изображения. Образ голубя, который благоволил принять на Себя Дух Святой, дает нам некоторое, как бы данное в иносказании, представление о свойствах Духа Святого, но не может быть для нас вполне Его иконой, как не может быть иконой Его явление в образе света, облака, или огненных языков. И это одна из основных причин, в силу которой все иные иконы Троицы не могут до конца осуществиться и стать знаменем Святой Троицы.

Ангелам на иконе Троицы приданы человеческие черты, но не следует понимать эту человечность как нечто относящееся к самой природе Божества. Такое понимание не может найти приют в Церкви и освятиться церковным благословением. Черты ангельского и человеческого достоинства ни в какой мере не свидетельствуют о каком-либо человекоподобии, скрытом в самом существе Божиим, в его непостижимой сущности. Надо думать, такое понимание, рожденное вне Церкви Христовой, никогда не волеется в чистейший поток истинного отеческого богословия. Образ человеческий и образ ангельский взят для изображения Святой Троицы не потому, что в самой божественной природе есть нечто подобное, но потому, что такой образ (из того, что доступно воображению) указан нам в самом

явлении трех Ангелов Аврааму. И лишь предельно символически может пониматься этот образ, и лишь так может быть мыслимо изображение всех трех Лиц. Весь строй этой иконы свидетельствует о крайней сдержанности и крайней осторожности, с которой создавался образ. Образ Святой Троицы помещен в иконостасе в середине, над самыми Царскими вратами, в той части иконостаса, которая носит название сень. Сень обычно расположена не на одном уровне с иконами, но несколько в глубине, и по обычаю бывает особенно тонко и богато украшена. Это особое место, которое отводится сени в общем строе иконостаса, выражает особую ее священность, особую высоту ее назначения. Самое слово «сень» говорит о ее смысле. Это благословение свыше, простертое над святыней, освящающее то, над чем она простирается, и вместе с тем охраняющее святыню, являющееся как бы ее ограждением. Такой нерукотворной сенью, могущей быть прообразом всякого осенения, был облик славы, осенивший скинию Завета. Такой, уже рукотворной, сенью являлись Херувимы славы, осенявшие алтарь. Два Херувима, сотворенных из меди, соприкасаются друг с другом крыльями, как бы образуя сень над ковчегом Завета простертыми крыльями, ограждая ими священный ковчег. В дальнейшем, в храме Соломона, престол, перед которым священник совершал священнодействие, имел над собой некоторый полог, утвержденный на столбах и осенявший престол. Этот полог, ведущий происхождение от ветхозаветного храма, сохранил свое место и в храмах христианских, и так же простерт над престолами христианских храмов, образуя как бы небесный свод. Во внутренней части полога установился обычай изображать заключенный в круг образ Святой Троицы в явлении трех Ангелов. Но Авраам и Сарра обычно не изображаются на иконе. Своей простотой и отсутствием частных образ стремится выразить Святую Троицу не в явлении Аврааму, но как бы в приснобытии. Внутренний свод сени, или кивория, имеющий изображение Святой Троицы, образует как бы небесный свод, простертый над престолом. В дальнейшем, когда алтарная преграда наполнилась иконами и превратилась в иконостас, над Царскими вратами под тяблом — поперечной переключиной, поддерживающей деисусный чин, — возникла особая иконостасная часть, носящая, так же как и надпрестольное осенение, название сени. Сень эта, помещающаяся над Царскими вратами иконостаса, связана глубоким родством с сенью, помещенной над престолом.

Образ Троицы преп. Андрея Рублева, отмеченный Стоглавым собором, не погиб, не забылся, но все более становится общим достоянием, общей радостью. Очищенный от потемневшей олифы и позднейших записей, освобожденный от прекрасных, но отягощавших его риз, он покинул церковную ограду и находится сейчас в Третьяковской галерее. Он не в иконостасе Троицкого собора, но обращен к людям, в большинстве своем далеко отстоящим от Церкви. Образ Троицы близок не только людям, никогда не покидавшим Церковь, но и далеко ушедшим от нее, и даже, как это ни странно, враждебным ей. И надо в этом усматривать изволение Самой Живоносной Троицы. Это благовестие, влекущее всех к источнику неиссякаемой жизни...

Публикуется в сокращении

ВЕСТНИЧЕК

Есть такое растение — высокое, с красными цветами. Цветы эти собраны в большие стоячие кисти. Называется оно кипрей.

Об этом кипрее я и хочу рассказать.

Прошлым летом я жил в маленьком городке на одной из наших полноводных рек. Около этого городка сажали сосновые леса.

Однажды я шел перед вечером мимо базарной площади в лесничество. Оно помещалось на окраине городка над рекой...

Около дома, где помещалось лесничество, разросся по склону оврага тенистый сад. По дну оврага протекала речушка. Тут же невдалеке она впадала в большую реку.

Речушка была тихая, с ленивым течением и густыми зарослями по берегам. В этих зарослях была протоптана к воде тропинка, а около нее стояла скамейка. В свободные минуты лесничий Михаил Михайлович, Анюта и другие сотрудники лесничества любили немного посидеть на этой скамейке, посмотреть, как толчется над водой мошкара и как заходящее солнце догорает на облаках, похожих на парусные корабли.

В этот вечер я тоже застал Михаила Михайловича и Анюту на скамейке на берегу реки.

В омуте у наших ног плавала необыкновенно зеленая ряска. На чистых местах цвел водокрас — белые и тонкие, как папиросная бумага, цветы с красной сердцевинкой. Выше омута на крутом берегу островами разросся кипрей.

— Кипрей — это наш помощник, — заметил Михаил Михайлович.

— До сих пор я только знал, что его листья заваривают вместо чая, — ответил я.

— Потому его и прозвали в народе иван-чаем, — объяснил Михаил Михайлович. — А помогает он нам вот чем...

К. ПАУСТОВСКИЙ

ЗАБОТЛИВЫЙ ЦВЕТОК

Михаил Михайлович начал рассказывать.

Кипрей всегда разрастается на лесных пожарищах и порубках. Недавно еще кипрей считали сорной травой. Он только и годился, что на дешевый чай. Лесники безжалостно вырывали весь кипрей, что выростал рядом с молодыми сосенками. Делали это они потому, что считали, будто кипрей заглушает побеги сосен, отнимает у них свет и влагу.

Но вскоре заметили, что сосенки в тех местах, где уничтожен кипрей, совсем не могут бороться с холодом и от первых же утренних морозов, какие бывают в начале осени, начисто погибают.

Ученые, конечно, начали искать причину этого и наконец нашли.

— Что же оказалось? — спросил Михаил Михайлович и сам себе ответил: — А оказалось, что кипрей — очень теплый цветок. Когда ударит осенний мороз и иней посеребрят траву, то около кипрея инея нету. Потому что вокруг кипрея стоит теплый воздух. Этот цветок выделяет из себя теплоту. И в этой теплоте растут себе без страха все соседи кипрея, все слабенькие побеги, пока зима не прикроет их, как ватным одеялом, глубоким снежком. И заметьте, что кипрей всегда разрастается рядом с молодыми соснами. Это их сторож, их защитник, их нянька. Бывает, в сильный мороз у кипрея отмерзнет вся верхушка, а он все равно не сдастся, живет и дышит теплотой. Самоотверженный цветок!

— Кипрей, — сказала Анюта, — не только воздух обогревает, но и почву. Так что и корешки всех этих побегов не замерзают.

— Вы думаете, один кипрей такой замечательный?

— спросил меня Михаил Михайлович. — Почти про каждое растение можно рассказать такие удивительные вещи, что вы просто ахнете. Что ни цветок, то прямо рассказ. Растения спасают нас от болезней, дают крепкий сон, свежие силы, одева-

ют, кормят — всего не перечтешь. Нет у нас лучших друзей, чем растения. Да если бы я умел рассказывать сказки, я бы о каждой травинке, о каждом каком-нибудь незаметном маленьком лютике или колоске порассказал бы такое, что все старые добрые сказочники мне бы позавидовали.

— Еще бы! — сказала Анюта. — Если бы они знали тогда то, что мы знаем сейчас, тогда и сказок не надо бы.

На следующий день я ходил вместе с мальчиками и Анютой в Моховой лес, видел заросли кипрея на горячих и молодых посадках, и с тех пор я начал относиться и к цветам кипрея, и к молодым сосенкам как к своим верным друзьям.

Перед отъездом я сорвал кисть кипрея. Анюта высушила ее мне в сухом песке. От этого цветы сохранили свою яркую пунцовую окраску.

У себя в Москве я заложил эту сухую кисть кипрея в толстую книгу. Называлась она «Русские народные сказки». И каждый раз, когда я раскрывал эту книгу, я думал о том, что жизнь, окружающая нас, хотя бы жизнь вот этого простенького и скромного цветка, бывает часто интереснее самых волшебных сказок.

«Оптина на Маросейке»

90 лет назад, 22 июня далекого
1923 года отошел ко Господу всеми
любимый московский батюшка
отец Алексей Мечев
(17.03.1859 г. – 22.06.1923 г.)

Есть в истории прошлого века священники, о которых трудно писать. Не только потому, что имена этих батюшек свято и трепетно оберегаются теми, кто имеет особую причастность к их духовному кругу, но и по другой причине. Само упоминание о них — это воззвание к совести: есть ли в тебе то, чему учили они, так ли ты живешь, выполняешь ли хоть малое?...

Нет, увы, нет.

И, если что-то оправдывает желание рассказать о них, то это надежда и на свое исправление. Это тот случай, когда страшно произнести пустое слово, потому что никакая художественная выразительность не достигает их правды, простой и ясной. Таков был и этот батюшка с Маросейки, из храма Святителя Николая в Кленниках. Московский старец, о котором говорили, что по духу он как бы единый от великих старцев Оптиной Пустыни, подвижник в суете, «во граде, яко в пустыни, живый».

«В СУЕТЕ»

Малозаметный храм, обыкновенный, старомосковский... Низенького роста священник, с простым, благостным лицом, ласковый и очень скромный.

Иной раз, получая от опытных духовников совет обратиться к о. Алексею Мечеву, люди при первой встрече с ним недоумевали: «Удивительно, как в Москве, да еще в церкви на одной из центральных улиц мог сохраниться такой священник. Это совсем не городской, это — типичный сельский священник». А на свое недоумение слышали в ответ от тех же: «И, все же, обратите внимание на этого пастыря.»

С наружной стороны на Маросейке все было, как обычно: привычный строй службы, многолюдство, вот, разве что, пение не партесное, «с настроением», а особое, как бы монастырское, дающее молитвенный настрой.

И среди этого — батюшка. А народу к нему — великое множество, и со всеми он один и тот же — сердечный, невыразимо добрый. В 20-е годы, среди голодовки и горя, казалось необыкновенным то, что он каждого принимал, как родного, не делая никаких различий между своими духовными детьми и теми, зашли к нему по случаю, что называется, с улицы: для него не важно было, кто перед ним — коммунист, католик, или просто человек, потерявший в водовороте событий, без четких представлений, с явно расстроенными нервами... Каждого он встречал, как посланного к нему Богом, каждому был готов уделить внимание, протянуть руку.

Затем его посетители замечали отступление от правил; не вообще от правил церковных (о. Алексей знал устав, как никто, и придерживался его неукоснительно), а от распорядка: то задержится служба, то молебен совершается в «неурочное» время.

Объяснение этому находилось довольно быстро: батюшка не мог отказывать людям, и никогда не считал просьбы «тягостным докучением». Если кто-то плакал о родной душе и просил отслужить молебен, — незамедлительно служился молебен; если кто-то опаздывал на исповедь, она продолжалась до начала причастия; если просили вынуть частичку за больного после совершения проскомидии, — совет «заказать поминание на следующий день» отсекался как негодный, и частичка вынималась тут же, чтобы не оставить скорбящих без утешения. Таким был о. Алексей в обращении.

В самом укладе его жизни было то, что объединяло его с о. Иоанном Кронштадтским и преп. Амвросием Оптинским: он был почти все время на людях. В промежутках между службами, как врач, бегающий «по вызовам», или принимая народ в своей квартире, он не имел ни минутки свободной, даже время за чаем предназначалось духовным детям. А вечером, когда уже валился с ног, снова заставлял у себя посетителей, и продолжал принимать до самой ночи.

Когда-то преп. Амвросий шутил по своему поводу: «Как на людях я родился, так на людях и живу». То же мог сказать о себе и о. Алексей

Мечев. С детства он не имел своего уголка, отдельной комнаты, и уроки свои делал на виду. Так и пошло с тех пор: типичная московская квартира с маленькой комнатой, разрывающийся до часу ночи телефон, стук в дверь, записки, просьбы, и среди этого еще ворох повседневных забот. И, казалось бы, никаких условий для духовной жизни. Молитва и приобретение духовных дарований, мыслимо ли это при таких обстоятельствах?

А дарования, между тем, были. Вот, заходит к батюшке интеллигентный человек «по рекомендации», и среди скромной обстановки его комнаты невольно бросает взгляд на баночку варенья: «Однако... Попик-то хорошо живет», и вмиг подступает сомнение: да подлинно ли он тот особенный священник, подвижник, как о нем говорят? А тут и сам о. Алексей входит за ним, и отвечает с улыбкой на его мысли: «Так значит, этому старику не стоит доверять, раз он варенье ест?» А, вот, приводят мальчика, не имея уже сил его исправить, и о. Алексей, до тех пор не знавший ничего об этом ребенке, обращается к нему с порога: «Ты зачем крадешь? Нехорошо красть.»

На слезы и просьбы у старца для всех был один смиренный, кроткий ответ: «Я помолюсь». По его молитве устраивались дела, находилось питание для голодающих, поднимались на ноги больные, приходили в церковь те, кто, казалось, несправимо враждебно настроены по отношению к верующим родственникам.

«ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ ВАМ»

Но было и другое время. В продолжение восьми лет о. Алексей служил литургию в пустом храме. Как больно было ему, наверное, слышать слова неосторожные, жесткие: «Как ни пройдешь мимо твоего храма, все у тебя звонят. Заходил в церковь — пусто. Ничего у тебя не выйдет, понапрасну только звонишь» Да, только не оправдался «прогноз» — пошел народ, и храм наполнился, и со всей Москвы на Маросейку потянулись люди.

«Секрет» такого преобразования передал о. Алексею Иоанн Кронштадтский, к которому тот относился за духовным советом: молиться, непрестанно молиться и не ослабевать. И еще заповедал о. Иоанн батюшке брать на себя чужие скорби, «разгружать» людей, и тем забывать о своих печалях, которые покажутся малыыми, стоит только выйти к людям, посмотреть, что творится вокруг.

И батюшка молился. Как о счастье и о благе великом говорил он о том, что Господь даровал ему детскую простую веру. Эта вера давала ему дерзновение, совершала чудеса и помогала уберечься от соблазнов.

За исповедью и в беседах он снимал непомерную ношу с плеч людей самых разных. «Мудрецы», ученые говорили о владевшем ими чувстве: «типичный сельский священ-

ник» «разгрузил» то, что годами было не под силу ни им самим, ни другим духовникам! Тяжесть эта ложилась на его плечи болезнями, скорбями, которые омывались покаянием за общий, народный, грех... Он не роптал, а с радостью спешил в дальние концы города за новым своим «грузом»: то драма случится в семье профессора-педагога — сын, мальчик еще, предпримет попытку самоубийства, то смертельная болезнь «постучится» где-то в дом, то надо спастись от гибели девичью душу.

Когда же ответом на его заботу было движение к «возвышенным рассуждениям», о. Алексей, необыкновенно чуткий, умел мягко остановить увлеченного собеседника: «Я не понимаю. Неграмотный я», или прямо сказать: «Ишь, какой! Ты умом все понять хочешь. А ты сердцем живи».

ДУХОВНОЕ БРАТСТВО

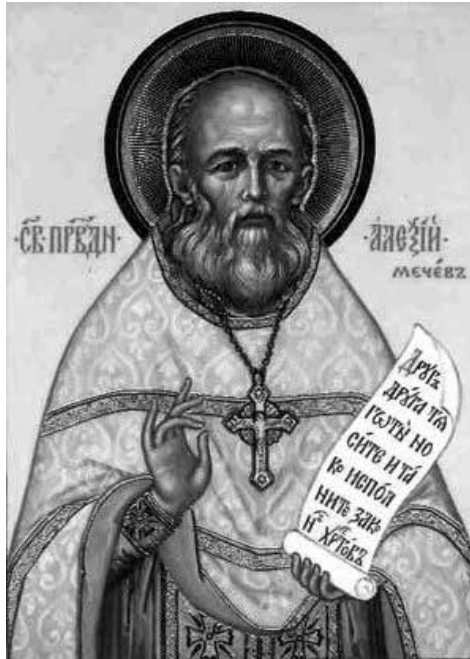
Приезжавшие в те годы в Оптину Пустынь паломники из Москвы нередко слышали от старцев, о. Анатолия (Потапова) и о. Нектария, упрек: «Зачем вы ездите к нам, когда у вас есть, отец Алексей?» Он был единого с ними духа — доброты, не знавшей слова «качать», — всепокрывающей, милующей, хотя и взыскательной.

Наставления батюшки для мирян были по-оптински просты. Он предостерегал, когда видел пылкое устремление неопытных к «духовным высотам»; учил тому, что «не клобук и не мантия спасают», что и в миру можно жить, по-монашески чисто, имея мир Божий и добрую совесть; приучал причащаться Святых Тайн, насколько возможно, чаще, предвидя еще до революции близкие испытания. Показывал он и, как практически, деятельно исполнить главную заповедь. Казалось бы, все знакомо, читано много раз, известно из апостольских посланий. Но как, по-новому, звучит это у старца Алексея:

«Почему Бог не создал всех равными, одинаково умными, прекрасными, богатыми и сильными? Потому, что тогда не было бы места и дела ЛЮБВИ на земле: любовь покрывает недостающее — ты богат, другой беден, люби его и любовью восполнишь недостающее; ты умен, другой малоумный, люби его и любовью восполнишь его скудость, ты образован, а он нет — люби его и твоя любовь заставит тебя дать ему знание, и т.д. Получается при неравенстве природном круговое восполнение любовью: ты богат, но скорбен, другой беден, но весел — любите друг друга и вы обоюдно восполните недостающее.»

Не случайно одним из самых близких святых для батюшки был апостол Иоанн Богослов, чья жизнь и наставления от начала до конца проникнуты духом высшей христианской добродетели. Таков был и сам о. Алексей Мечев, таков был и дух Маросейки — беда для ревнителей «буквы», сплошной подвиг любви.

Православие и мир

ЛЕСТВИЦА ДУХОВНАЯ

Принуждай себя вставать рано и в определенное время. Как пробудишься от сна, тотчас вознеси мысль свою Богу и сделай на себе с благоговением крестное знамение, помышляя о Распятом Господе Иисусе Христе, Который для нашего спасения умер на кресте.

Не позволяй себе долго нежиться на мягкой постели.

Потом немедленно начни молитвы утренние; преклонив колена, молись тихо, внимательно, благоговейно и с глубочайшим смирением, как должно пред взором Всемогущего; испрашивай у Него веры, надежды и любви и благословения к занятиям того дня; проси себе сил к благодушному принятию всего того, что Ему будет благоугодно в тот день послать или попустить, к перенесению всех тягостей, трудностей, бедствий, смущений, напастей, скорбей и болезней души и тела, с твердостью и спокойствием и с любовью к Иисусу Христу.

Приноси всего себя в живую жертву Богу, размышляй так: может быть, этот день есть последний день моей жизни, — и все так делай, как бы ты хотел делать, готовясь предстать теперь же на суд Божий.

Благодари Господа Бога за сохранение тебя в предшествующую ночь,

и что ты еще жив и не умер во грехах. Что еще есть для тебя время благодати и милосердия и что есть еще время и средства для покаяния и приобретения Неба.

Каждое утро думай о себе, что только теперь начинаешь и хочешь быть христианином, а прошедшее время напрасно погибло.

После молитвы и размышления, если позволяет время, почитай какую-нибудь книгу духовную, например, святителя Димитрия Ростовского «Алфавит Духовный» и святителя Тихона Задонского «Сокровище от мира собираемое». И читай до тех пор, пока сердце твое придет в умиление.

После сего займись делами твоими. Помни, что Бог везде видит тебя, зрит все действия, занятия, чувствования, помышления и желания твои и щедро воздаст тебе за все добрые дела. Не начинай ни одного дела, не помяясь Господу Богу, ибо то, что мы делаем или говорим без молитвы, после оказывается или погрешительным, или вредным и обличает нас чрез дела неведомым для нас образом. Сам Господь сказал: без Меня не можете творить ничего.

Исполняй все тяжкое для тебя, как епитимью за грехи твои — в духе послушания и смирения; в продолжении трудов произноси краткие молитвы, особенно молитву

Иисусову, и представляй себе Иисуса, Который в поте лица Своего ел хлеб Свой, трудясь с Иосифом.

Если твои труды совершаются успешно по желанию сердца твоего, то благодари Господа Бога; если же неуспешно, то помни, что и это Бог попускает, а Бог делает все хорошо.

Никогда не оставляй молитвы пред обедом и во время его представляй, что Иисус обедает с тобою; удели от своего стола и нищим. После стола считай себя как бы

одним из тех, которых в числе пяти тысяч напитал чудесно Иисус Христос; и возблагодари Его от сердца и моли, чтобы Он не лишил тебя небесной пищи — Слова Своего и Святых Тела и Крови Христовых.

Если желаешь жизни мирной, то предай себя Богу. До тех пор ты не найдешь душевного мира, пока не успокоишься в Едином Боге, любя Его Единого. Всегда и во всем поминай Господа Бога и святую любовь Его к нам, грешным. Во всем старайся исполнять волю Божию и угождать только Единому Богу.

Не заботься, о том, чтобы уважали и любили тебя люди мира сего, но о том, чтобы угодить Господу Богу, и чтобы совесть твоя не обличала тебя во грехах. Если же хочешь непрестанно помнить о Боге, то скорби

и несчастья переноси, как справедливо тебя постигающие.

Бодрствуй тщательно над самим собой, над чувствами, помышлениями, движениями сердца и страстями; ничего не помышляй маловажным, когда дело идет о твоём спасении вечном. Во время памятования о Боге умножай молитвы твои, чтобы Господь помянул тебя тогда, когда забудешь о Нем.

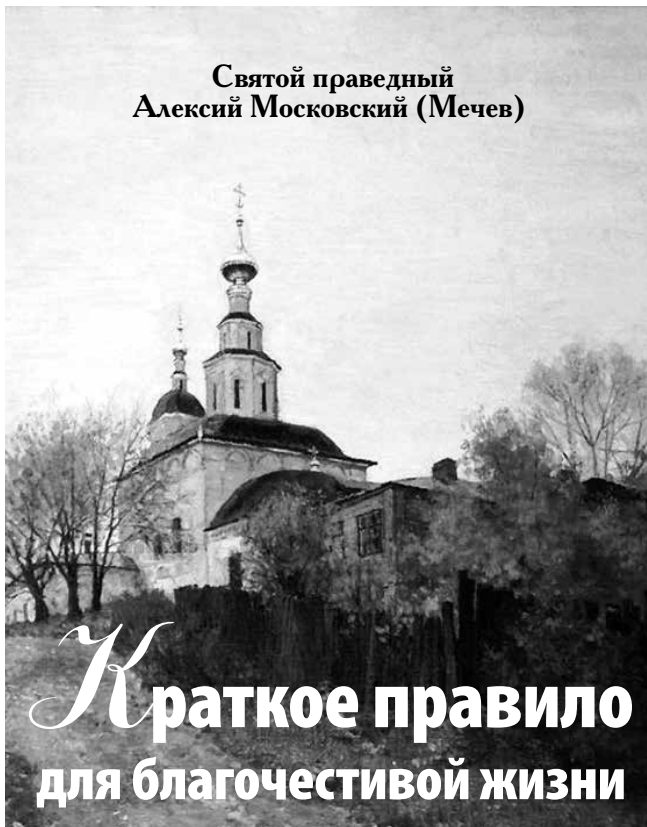
Будь кроток, тих, смирен, молчи и терпи по примеру Иисуса. Он не возложит на тебя креста, которого ты не можешь понести; Он Сам поможет тебе нести крест. Не думай приобрести какую-либо добродетель без скорби и болезней души. Проси у Господа Бога благодати исполнять, как можно лучше, Его святейшие заповеди, хотя бы они казались тебе весьма трудными.

Исполнив какую-либо заповедь Божию, ожидай искушения, ибо любовь ко Христу испытывается через преодоление препятствий.

И на малое время не оставайся в праздности, а пребывай всегда в трудах и занятиях. Ибо нетрудящийся недостоин имени человека и непременно погибнет. Уединяйся по примеру Иисуса Христа, Который, удаляясь от прочих людей, молился Отцу Небесному.

Во время тягости душевной или охлаждения к молитве и ко всем благочестивым занятиям, не оставляй дел благо-

Святой праведный Алексий Московский (Мечев)

Краткое правило для благочестивой жизни

честия, — так и Господь Иисус Христос трижды молился, когда душа Его была прискорбна даже до смерти.

Делай все во имя Иисуса, и таким образом всякое дело твое будет делом благочестия.

Более слушай, нежели говори: во многоглаголании не спасешься от греха. Испрашивай для себя у Господа благодати благовременно и молчать, и говорить, и полагай хранение устам твоим, чтобы не согрешить языком, и заграждай слух, чтобы не услышать противного Господу Богу. Не любопытствуй о новостях: они развлекают дух; с охотою рассуждай о добрых предметах. Убегай даже самых малых грехов, ибо неудалющийся от малых непременно впадет в большие и тяжкие.

Если хочешь, чтобы не тревожили тебя злые помыслы, то со смирением принимай уничтожение души и скорбь телесную.

Всякий помысл, удаляющий тебя от Господа, особенно скверный, плотской помысл, изгоняй из сердца как можно скорее, как сбрасываешь с одежды и одну искру, попавшую на нее. Когда приходит такой помысл, то молись крепко: «Господи, помилуй!», «Господи, помоги мне!», «Господи, не оставь меня, избавь от искушений» или иначе как. Но среди искушений не смущайся. Кто посылает случай к сражению, Тот даст и силы к победе. Будь спокоен духом, уповай на Бога; если Бог за тебя, то кто против тебя?

Испрашивай у Бога, чтобы Он отнял все, что питает твое самолюбие, хотя бы это лишение для тебя было самое горькое. Желай жить для Него Одного и умереть и всецело принадлежать Ему.

Когда потерпишь какое-либо бесчестие от людей, то разумей, что это послано от Бога к славе твоей.

Никогда не спорь и слишком много не защищай себя и не извиняй; ничего не говори против начальников или ближних без нужды или обязанности. Будь искренен и прост сердцем; с любовью принимай наставления, увещевания и обличения от других, хотя бы ты был и очень мудр.

Не будь ненавистником, завистливым, безмерно строгим в слове и делах. Чего не хочешь себе, того не делай другому, и чего себе от других желаешь, то прежде сам сделай другим.

Если кто посетит тебя, то возвысь сердце твое к Господу и моли Его даровать тебе дух кроткий, смиренный, собранный, будь ласков, скромн, осторожен, благоразумен, слеп и глух, смотря по обстоятельствам. Помышляй, что Иисус находится среди тех, с которыми ты находишься и беседуешь. Слова твои растворяй солью премудрости, твердо помни, что время кратко и что человек должен дать отчет во всяком бесполезном слове; разговору назначай определенную цель и старайся направлять его к спасению души. Когда же кому принесешь пользу словами твоими, то признай в этом благодать Божию.

Когда ты находишься наедине с собою, то испытай себя, не сделался ли ты менее добр, нежели как был прежде, не впал ли в какие грехи, которые прежде не делал? Если согресишь, то немедленно проси прощения у Бога со смирением, сокрушением и упованием на Его благодать и поспеши принести покаяние пред отцом духовным; ибо всякий грех, оставленный без покаяния, есть грех к смерти, о котором, если и святой помолится за другого, не будет услышан. Притом, если не будешь сокрушаться о грехе, сделанном тобою, то опять в него скоро впадешь.

Старайся делать всякому добро, какое и когда только можешь, не думая о том, оценит ли или не оценит он его, будет ли или не будет тебе благодарен. И радуйся не тогда, когда

сделаешь кому-либо добро, но когда без злопамятства перенесешь оскорбления от другого, особенно от облагодетельствованного тобой.

Если кто с одного слова не окажется послушным, того не побуждай чрез прение, сам воспользуйся благом, которое он потерял. Ибо незлобие принесет тебе великую пользу. Но когда вред одного распространяется на многих, то не терпи его, ищи пользы не своей, а многих. Общее благо важнее частного.

Во время ужина вспоминай о последней вечери Иисуса Христа, моля Его, чтобы Он удостоил тебя вечери небесной. Прежде, нежели ляжешь спать, испытай свою совесть, проси света к познанию грехов твоих, размышляй о них, проси прощения в них, обещая исправление, определив ясно точно, в чем именно и как ты думаешь исправить себя. Потом предай себя Богу, как будто тебе должно в сию ночь явиться пред Ним, поручай себя Божией Матери, Ангелу Хранителю, Святому, которого имя носишь. Представляй постель как бы гробом твоим и одеяло как бы саваном.

Сделав крестное знамение и облобызав крест, который на себе носишь, усни под защитою Пастыря Израилева.

Если не можешь спать или бодрствуешь во время ночи, то вспоминай слово: среди полунощи бысть вопль: се Жених грядет, или вспоминай о той последней ночи, в которую Иисус молился Отцу до кровавого пота; молись за находящихся ночью в тяжких болезнях и смертном томлении, за страждущих и усопших, и моли Господа, да не покроет тебя вечная тьма.

Во время болезни, прежде всего, возложи упование твое на Бога и частым воспоминанием и размышлением о страдании и смерти Иисуса Христа занимай себя, чтобы более и более укреплялось твое сердце.

Непрестанно твори какие-либо молитвы, какие знаешь и можешь; проси у Господа прощения во грехах и терпения во время болезни. Всячески воздерживайся от ропота и раздражительности, так обыкновенных во время болезни. Если Господь Иисус Христос претерпел ради нашего спасения самые тяжкие страдания и болезни, а мы что сделали или потерпели ради нашего спасения?

Как можно чаще ходи в храм к Божественной службе, особенно старайся как можно чаще быть во время литургии. Но воскресные и праздничные дни непременно посвящай делам благочестия; всегда, когда находишься в храме, представляй, что ты находишься в присутствии Бога, ангелов и всех святых, остальное время дня после литургии посвящай на благочестивое чтение и другие дела благочестия и любви.

День рождения твоего особенно посвящай делам благочестия.

Исповедуйся и приобщайся Святых Тайн как можно чаще. К приобщению Святых Тайн приступай всегда с истинным голодом и истинною жаждою души, с сокрушением сердца, с благоговением, смирением, верою, упованием, любовью.

Как можно чаще размышляй о страданиях и смерти Иисуса Христа, умоляя Его ризою заслуг Своих покрыть все грехи твои и принять тебя в Царство Свое.

Имя Иисуса всегда имей в устах и сердце.

Как можно чаще размышляй о великой любви Господа к тебе, чтобы и самому тебе возлюбить Его всем сердцем твоим, всею душою твоею и всеми силами твоими и таким образом будешь вести мирную жизнь на сей земле и блаженную на небе во веки веков.

По страницам книги «Пастырь добрый»

ЦЕРКОВЬ – СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ, СИЛЬНЫЙ ПОБЕДИТЬ СМЕРТЬ

В своей обыденной жизни мы привыкли к известному комфорту, мы заняты профессионально, мы поддерживаем дружеские связи, но мы испытываем потребность в чем-то еще, что удовлетворило бы наш метафизический интерес. Ради удовлетворения этой потребности мы можем выбрать себе Церковь, религию, духовную традицию, но при этом по-прежнему остаться в индивидуалистической самодостаточности, в конечном счете в эгоцентризме. Это выбор смерти; это способ существования, неизбежный конец которого — смерть. Евангелие зовет нас не в какую-то иную религию, в лучшую религию, в лучшую духовность, но к образу жизни, дающему силу победить смерть, к созиданию истинной жизни. О природе веры, православия рассуждает видный греческий православный философ, богослов и писатель ХРИСТОС ЯННАРАС.

ВЕРИТЬ — ЗНАЧИТ ДОВЕРЯТЬ

Я хотел бы начать определение веры именно с этого ее значения, так как это — обязательная предпосылка правильного понимания истинного содержания православия. В настоящее время у меня складывается впечатление, что слово «вера» мы понимаем как убеждение или убеждения: быть верующим — значит почти то же самое, что быть приверженным идеологии, быть приверженным учению, иметь определенные убеждения, более или менее интеллектуальные. Однако в своем первом значении слово «вера» (по-гречески — *πιστις*) означает доверие. Это первое значение, к счастью, не исчезло: слово «вера» еще хранит свой смысл, в частности, в коммерческой области, где оно означает кредит.

В опыте Церкви вера всегда осмысливается как доверие, а доверие всегда предполагает личностное отношение. Мы не можем доверять кому-то, кого мы мало знаем: надо узнать этого кого-то, идти вперед, строить отношения с ним; чтобы доверять кому-то, необходимо его любить. Если есть доверие, то возможно не только вместить присутствие другого, его характер, его идеи; главное — это возможность доверия тому, о чем он свидетельствует, т.е. доверия его опыту.

В Церкви мы приходим к вере через наше доверие Богу. Речь идет не о психологическом феномене, не об интеллектуальном опыте, но о доверии чему-то конкретному, историческому, потому что все в Церкви, все стороны нашей церковной жизни носят

характер очень конкретного исторического реализма. Все начинается с опыта первой церковной общины, жившей со Христом. Пролог Первого послания Иоанна в этом отношении очень показателен. В нем Иоанн подчеркивает, что передает то, что он и другие апостолы «видели, слышали, осязали, о Слове жизни», т.е. сообщает нам о конкретном и реальном опыте.

Живя в Церкви, мы призваны принять участие в этом опыте. Наше знание Бога идет не от книжного знания, не от знания, происходящего от размышлений. Чтобы достичь познания Бога, надо поддерживать и развивать отношения с Ним. Мы познаем Бога не как понятие и не через логические построения. Речь о другом: надо познать Бога в непосредственных взаимоотношениях, и именно этого нам следует искать.

Церковь предлагает нам свой опыт и свою практику именно для того, чтобы мы поддерживали и развивали наши личные взаимоотношения с Богом. Часто эти опыт и практика сначала кажутся нам недостаточно действенными. Например, нам предлагается соблюдать пост, использовать церковные молитвы, избегая так называемых «спонтанных» молитв, т.е. всякого индивидуализма, или участвовать в богослужении и т.п...

Почему же Церковь призывает нас к этой вере, которая есть доверие, и к этому доверию, которое есть отношение? Потому что Церковь благовествует, возвещает новую жизнь. Т.е. иную жизнь, нежели та, которая нам известна по нашему существованию, жизнь, которая

преодолеывает границы времени, пространства, тления и смерти. И я настаиваю на этом, потому что иногда складывается впечатление, что люди, приходящие в Церковь, делают это в поисках удовлетворения собственного индивидуализма.

ХОЖДЕНИЕ ПЕТРА ПО ВОДАМ

Как это возможно? В Евангелии мы находим множество примеров, но я хотел бы в качестве образца предложить вам только один — тот, который определяет эту реальность жизни как отношения.

Ученики Христа ночью оказываются в лодке на Тивериадском озере во время бури. Лодка в опасности, но в этот момент ученики неожиданно замечают Христа, идущего по водам. После минуты встревоженности ученики узнают Христа, и Петр говорит Иисусу: «Господи, если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде». Христос говорит ему: «Иди...» Этот призыв, это «иди» есть зов Бога, обращенный ко всем людям. Этот зов призывает нас из небытия в бытие, по слову апостола Павла.

Что значит этот призыв? Он значит: ты можешь идти ко Мне не силами твоей тварной человеческой природы, но следуя иному способу существования — существованию в отношении (общении). Петр услышал призыв, вышел из лодки и двинулся по морю. Петр, естественная тварная человеческая индивидуальность, в этот момент начинает жить не по своей тварной природе. Он живет в отношении, и это значит, что именно в эту самую минуту Петр черпает

свое существование не из своей природы, но из своих отношений с Богом, со Христом. Однако увидев вокруг себя это бурное море, он возвращается к естественному способу существования, и доверие начинает ему изменять. В этот момент Христос протягивает ему руку и вытаскивает его к Себе.

Мне кажется, что это очень наглядный образ, который нам точно указывает, к какой именно жизни призывает нас Церковь. Она не имеет никакого отношения к идеологии, к «духовности», т.е. к некоторому «благочестию», которое в конечном счете питает наше самоутверждение в духовном индивидуализме. Эта жизнь имеет иной пафос, иную позицию: она означает полную самоотдачу, жизнь, существование из-за другого, ради другого, принятие жизни как следствия общения.

Я мог бы привести еще один хорошо известный пример, чтобы показать, как Церковь и Евангелие призывают нас к тому способу существования, который преодолевает индивидуализм. Нам, существам тварным, очень трудно по-настоящему вместить эту возможность жить, преодолевая индивидуализм. Вот почему искушение морализма, искушение оправдания нашего эго заявляет о себе в истории Церкви на каждом шагу. С этим искушением встречаешься и в сердцевине нашей повседневной жизни; оно лежит в основе нашего менталитета (нашей психологии). Очень трудно прийти к свободе, прийти к тому, чтобы просто не действовать ради «*сotte il faut*» [«Как должно» (фр.)], чтобы быть приверженным только вере, нормам, предназначение которых — указывать путь к жизни.

ФАРИСЕЙ И МЫТАРЬ

Второй пример, который я хочу здесь привести, — это притча о мытаре и фарисее. Я не знаю, всегда ли мы улавливаем ее смысл. У нас складывается впечатление, что фарисей — это грешник. Но это совсем не так. Он — человек добродетельный, человек неординарных нравственных качеств, абсолютно верный Закону, очень последовательный во всем, что касается его религиозных обязанностей, посещающий Храм, дающий

деньги нищим... И однако ему не войти в Царство.

Почему? Как раз потому, что фарисей не имеет нужды в Боге, он наполнен самим собой, вполне удовлетворен своими добродетелями, своими нравственными качествами... У него нет потребности в общении, он «обладает» самим Богом: да, он именно обладает Богом в силу своей собственной верности. Напротив, мытарю нечего отдать, нечего предложить Богу: он — настоящий грешник, человек падший. У него нет возможности хоть как-то обосновать свою уверенность, и его последняя надежда — Бог! Мытарь в молитве весь обращен к Богу, испрашивая Его милости.

Один из отцов церкви, прп. Исаак Сирин, говорит нам довольно парадоксальную вещь, которую стоит знать: «Нет ничего более сильного, чем отчаяние». Надо по-настоящему пройти через отчаяние, чтобы достичь

общения с Богом. Что это значит?

Это значит, что нужно отчаяться во всем: в наших нравственных качествах, в наших добродетелях, в нашей церковной организации, даже если она вполне крепка и сильна, в нашем учении, в нашей действительно убедительной идеологии; во всем этом надо разочароваться! Надо по-настоящему пройти через смерть... и в этой ситуации смерти, полного отчаяния у нас остается только одна Личность: Христос. И если обратиться к Нему, встретишь либо Его, либо ничего. С этого момента начинается иной способ существования: возможность ходить по водам...

РЕАЛЬНОСТЬ, А НЕ УЧЕНИЕ

Как достичь такого понимания? Мы «испорчены» интеллектуализмом, и нам очень трудно увидеть, что Церковь стремится предложить нам все это как реальность, а не

просто как учение. Эта реальность есть жизнь как личностное отношение, а не как естественный индивидуализм.

Церковь являет нам эту реальность как факт, факт исторического присутствия Христа. Мы говорим, что Христос есть Воплощение Бога в истории и на земле. Первые апостолы имели опыт видения Его, опыт, превосходящий рамки тварной и смертной природы. Они прикоснулись к этому Присутствию, которое не было явлением всемогущества, но выражалось в предельной слабости и смирении. Христос был Тем, Кто свидетельствовал об Отце, другими словами, Он жил не для Себя Самого, но был Сыном Божьим. У Него не было индивидуального существования, если рискнуть употребить подобное выражение, но Его присутствие в истории как индивида указывало на присут-

ствии Отца, было свидетельством о существовании и о присутствии Отца.

И Сам Отец тоже представляет для Церкви исторический опыт, ибо Он входит в историю через Свой голос и через Свое присутствие в свете Фавора. И Отец тоже некоторым образом скрывает Себя, чтобы явить, чтобы показать присутствие Своего Сына: «Сей есть Сын мой Возлюбленный». И Святой Дух тоже скрывает Себя, чтобы свидетельствовать об Отце через Слово воплощенное. Само Воплощение есть осуществление (повторение) и в то же время явление способа существования Бога, троичского способа существования, означющего отношение (общение) любви.

Во всех религиях и во всех метафизических системах есть логически необходимая идея высшего существа как первопричины бытия и т.д. Но в церковном опыте нет высшего

существа, но есть общение Лиц, присутствие трех Лиц, которые сообщают <друг другу> (разделяют единую) жизнь, которая существует в общении. Вот почему мы встречаем в Библии только одно определение Бога: Бог есть Любовь. Библия не говорит нам, что Любовь есть одно из нравственных качеств Бога, некая добродетель, некое свойство Бога. Она нас учит, что Любовь есть способ существования Бога: Бог существует, потому что Он есть Любовь, и Его существование есть само действие Любви.

Посредством этих формулировок Церковь ответила на проблематику древнегреческой философии, искавшей источник, первопричину бытия и вменявшей себе в обязанность уяснить логическую, интеллектуальную необходимость, которая предшествует самому существованию Бога <...>. Бог «обязан» по своей природе быть тем, кто Он есть; до Бога есть необходимость, обязывающая Бога быть тем, кто Он есть.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К СПОСОБУ СУЩЕСТВОВАНИЯ ХРИСТА

Эта проблема была вполне ясна для отцов церкви, особенно для каппадокийцев в IV в. Пытаясь дать на нее ответ, они говорили о «монархии» Отца, т.е. лицо Отца они рассматривали как источник троической жизни. Они говорят нам, что Отец — это лицо, личная ипостась, свободная от всякой обусловленности: это лицо означает существование, не знающее никаких границ, никаких условий. Бог определяет Свое существование из своей собственной свободы, из своей собственной воли.

Так мы приближаемся к определению реальности лица: Библия сообщает нам следующий опыт: Отец называется «Отцом», реализуя и «ипостасируя» Свое существование — как мы выражаем это на богословском языке — через рождение Сына и исхождение Святого Духа.

Эти формулировки не есть некие абстрактные теоретические положения: они суть способ разъяснить, как и почему в начале всякого существования лежит личная свобода Бога. Через эту абсолютную свободу Бог реализует Свое существование, и Он реализует ее как любовь. Как го-

ворит прп. Максим Исповедник: «По любви и вне времени Отец рождает Сына и низводит Святого Духа».

Таким образом, наш Бог есть жизнь, реализуемая как отношение любви. Без этого богословского основания, как мне представляется, мы не в состоянии понять Церковь. Церковь — это не религия, не школа духовности, но место, куда мы призваны, чтобы преобразовать наше существование в существование как отношение. Мы званы на трапезу, и эта трапеза есть способ осуществлять жизнь как общение.

Даже наша биологическая жизнь предполагает (при)общение. Мы не можем жить без того, чтобы принимать пищу, т.е. без общения с материальной реальностью мира, без приобщения другим. Однако есть некое искажение, превращающее это общение в желание всем обладать для самих себя: пища, другие — всё должно быть подчинено нашему желанию. Церковь предлагает нам изменить способ нашего существования: надо отдавать жизнь, и это станет приобщенностью к способу существования Христа, причастием Его Телу и Крови.

Конечно, все это только формула, и эта формула может быть удобна. Но чтобы достичь причастности, достичь самой реальности, надо на деле последовать той практике, которую нам предлагает Церковь и которая постепенно приведет нас к тому опыту, который есть святое общение (причастие). Это не автономный и автономизируемый факт нашей жизни, но исполнение всей нашей жизни, становящейся целиком, истинно церковной.

Если мы теперь, двигаясь по этому пути, подойдем к реальности Православия, т.е. к самой истине Евангелия и Церкви, то у нас будет ответ на основополагающий вопрос, встающий перед каждым человеком. Это вопрос о смерти. И даст нам этот ответ само слово «Евангелие» — «Благая Весть». Оно возвещает нам возможность преодолеть смерть, это уничтожение нашей жизни, этот угрожающий нам мрак небытия... Отнюдь не случайно всё, в чем выражает себя Православие — литургические песнопения, молитвы и столь же часто тексты отцов,

— напоминает об этом ответе Церкви на факт смерти. Если попытаться сформулировать этот ответ Церкви, я сказал бы, что смерть представляет собой реальность природы. У св. Анастасия Синаита есть одно очень характерное высказывание. Он говорит: «Со смертью все умирает», т.е. умирает все наше естество: наша мысль, все наши психические и телесные энергии... Прекращается все! Нет ни памяти, — говорит св. Анастасий, — ни мысли, ни чувства — ничего; все это принадлежит нашей природе. Остается только то, что мы называем «ипостасью».

ПРЕДВКУЩЕНИЕ ИСТИННОЙ ЖИЗНИ

Но что такое эта ипостась? Мы не можем дать ей определения, мы можем только сказать, что речь идет о нашей экзистенциальной реальности (реальности нашего существования), происходящей от призыва Божия. Не случайно даже в языке современного психоанализа смысл понятия «субъект» остается неопределенным. Мы суть ипостаси, т.е. мы представляем собой существование, экзистенциальную реальность, потому что Бог призвал нас к существованию. Но мы суть ипостаси в той мере, в какой мы способны «ипостазировать» экзистенциальные возможности тварной природы. Когда эта природа умирает, то что остается? Что в этом случае ипостазирует наша ипостась?

Св. Григорий Палама говорит нам, что после смерти наша ипостась будет ипостазировать наше существование через энергии божественной природы, через энергии Святого Духа. Вот почему на языке православия мы говорим об обоженности человека. <...> И поэтому мы называем Святого Духа, Утешителя, «Царем Небесным» и «Жизни Подателем», и обращаемся к Нему: «Приди в нас!»

Что это значит? Что это? Сентиментализм? Совсем нет. Это предвкушение того, чем мы будем жить после смерти, когда Утешитель станет нашей «природой», и, если можно так сказать, когда Святой Дух станет нашим способом существования. И так со всеми, с каждым, наверняка.

Вы, безусловно, слышали что-то по поводу того толкования, которое

нам предлагает прп. Максим Исповедник. Он говорит: «Все в мире после смерти соединится с Богом и с божественными энергиями. Но для тех, кто возгревал в себе приобщенность к Богу, т.е. для тех, кто готов приобщиться к существованию и к жизни Самого Бога, это соединение с энергиями Святого Духа будет раем. Для тех же, кто не умеет любить, это единство с Богом будет пыткой; это, действительно, будет ад».

Это коренным образом меняет представление о вечной жизни и представление о Боге! Это означает, что рай и ад не зависят от некоей божественной справедливости, и не Бог наказывает грешников. В действительности все зависит от способности или неспособности человека реально приобщиться к существованию и жизни Бога. Бог отдает Себя всем, каждому. Он будет со всеми, но это единство будет реализовывать разные модусы существования: рай и ад. Достоевский говорил, что «ад — это мучение от неспособности любить». То же самое говорил св. Исаак Сирий.

Я думаю, что через все эти размышления мы можем, отнюдь не на интеллектуальном уровне, определить точку отсчета, которая, возможно, однажды позволит нам прийти к пониманию того, что есть Православие. Православие, повторяю, — это не идеология, не некая «объективная реальность», но нечто, что надо открыть. И мы призваны к тому, чтобы открыть это Православие, т.е. жизнь, истинную жизнь, жизнь, не знающую границ времени, пространства, тления и смерти.

Тогда, и только тогда мы будем достойными членами Церкви. Не тогда, когда Церковь представляет для нас форму благочестия, укрепляющую наш индивидуализм, наш эгоизм или когда она становится для нас возможностью утвердить наши идеологические положения или убеждения; это было бы изменой <Церкви>. Все это можно найти где-нибудь в другом месте. То, что Церковь предлагает нам в своем благовестии, Евангелие, которое предлагает нам Церковь, есть вкус, опыт истинной жизни, жизни как любви, жизни, которая не знает смерти.

Алекса́ндро-Невский вѣстникъ

фото В.Каменко

Духовно-просветительская газета

Зарегистрирована Западно-Сибирским управлением Госкомпечати. Регистрационное свидетельство № Г-1453.

Учредитель: Александро-Невский собор города Барнаула, настоятель протоиерей Александр Войтович.

Редактор: протоиерей Сергей Фисун. Верстка: Наталья Мутовкина

Адрес редакции и издателя: 656054, г. Барнаул, ул. А.Петрова, 221. Тел. 40-28-81.

E-mail: vestnik@ab.ru Подписной индекс 73652. Тираж 1000 экз. Сдано в печать 25.07.13. Выход по графику 26.06.13

Отпечатано в типографии «ПринтЭкспресс», г. Барнаул, ул. Кирова, 47. Цена свободная.